

Трофимович Тамара Григорьевна

(Белорусский государственный педагогический университет имени М.Танка)

ДРЕВНЕРУССКИЕ КОМПОЗИТЫ И ДИСКРЕТИЗАЦИЯ МИРА

Современному языкознанию хорошо известно, что порождение новой номинативной единицы является результатом номинативного запроса, который активизирует разные участки вербального пространства [1, с.50]. Осознав необходимость назвать что-либо, человек прежде всего решает вопрос о том, что именно нужно назвать: предмет, действие, свойство, процесс, признак и др. [2]. Таким образом включаются механизмы дискретизации реальной действительности самого общего свойства, приводящие к выяснению частеречной принадлежности наименования. Затем осуществляется отнесение, например, предмета к определенной категории и выбор признака. Путь порождения слова – это, по сути, «переход от суждения к его имени», и он может быть разным даже при возникновении конкретного названия. Очевидно, что этот процесс в состоянии активизировать не один, а несколько участков вербального пространства и привести к появлению композитных единиц. Появление нового наименования – процесс сложный, в нем задействованы речемыслительные факторы, к числу которых может быть отнесена дискретизация и концептуализация окружающего мира.

На рассуждения о происхождении и роли композитных единиц в именовании различных явлений действительности нас натолкнул текст берестяной грамоты № 17 из Торжка, введенной в научный оборот недавно (найдена в 2001 и опубликована в 2004 году)[3, с. 131 -134]. Общая внестратиграфическая оценка относит ее по времени создания к первому двадцатилетию XIII века. Установлено, что грамота содержит извлечение из «Слова о премудрости» Кирилла Туровского, восходящего в свою очередь к одному из слов Иоанна Златоуста, и представляет собой по сути перечисление человеческих пороков, с которыми следует бороться. В пределах одного текста, таким об-

разом, оказалось 34 наименования одной тематической принадлежности. В большинстве своем это однословные единицы: *гордосте, непокорение, прекословее, презоресво (высокомерие), хула, кевета (клевета), глево (гнев), вражда, пеянсво (пьянство), осужение, грабление, разбой, сваро, бои, зависте, потвори (напускание порчи), отрава, блуди* и т.д. Несколько названий могут быть истолкованы как неоднословные: *игры неприязнины, игры бесовския, злии помысли*.

Среди однословных единиц обращает на себя внимание группа композитных наименований: *зломыслие, злопоминание, злосердее, смехотворение, душегубление, резомание (ростовщичество), прелюбодейание, царетворение (чародейание, колдовство)*. Эти наименования представляют интерес с точки зрения способов их возникновения (*душегубление* < *губить душу* или *губление души*?) и ономазиологической структуры. Не менее интересны они, по нашему мнению, и как средства выражения концептуальных представлений, предпочтений в процессе дискретизации окружающего мира.

Часть из представленных в Грамоте № 17 названий пороков содержат компонент *зло-*: *зломыслие (злоумышление), злопоминание (злопамятство), злосердее (злбность)*. Есть основания предполагать, что негативная значимость такого понятия, как *зло* нашла здесь свое выражение. Общеславянское наименование зла изначально служило средством обозначения широкого круга явлений, чего-то злого, плохого вообще. Не случайно слово *зло* по происхождению является древним кратким прилагательным среднего рода [4, т. 2, 99; 5, т.1, 1009]. Общеславянское **zъlo*, по мнению этимологов, восходит к индоевропейскому **ghuel-* «изворачиваться, кривить душой» [6, т.1, с.125]. Данные исторических словарей позволяют установить, что в древнерусских памятниках письменности XI-XII вв. *зъло* имело три значения: «*все дурное*», «*противозаконное, грех*», «*несчастье, беда*» [7, т.6, с.15].

Текст рассматриваемой грамоты, как уже было указано, является близким к оригиналу пересказом или цитированием произведения Кирилла Туровского. Отсюда следует, что его язык может быть квалифицирован как

церковнославянский или как книжно-славянский тип древнерусского литературного языка (по В.В.Виноградову). В таком случае естественно предположить наличие в грамоте наименований, являющихся старославянскими по происхождению. Однако известный специалистам «Старославянский словарь» (1994) из интересующих нас названий приводит только слова *зълѡвѣриѣ*, *зълѡвѣръство*, *зълѡдѣство*, *зълѡдѣяние* [8. с.240-241]. Следовательно, в памятниках *slavia orthodoxa* наименований пороков с компонентом *зълѡ-* из берестяной грамоты не отмечено.

Древнерусские памятники письменности, как свидетельствуют словари, зафиксировали большое количество анализируемых наименований - порядка 45. Компонент *зълѡ* содержали названия злодейства, коварства, злопамятства, поношения, склонности к злу: *зълѡсердѣе*, *зълѡвѣспоминание*, *зълѡдѣствие*, *зълѡдѣство*, *зълѡдѣяние*, *зълѡкъзньѣ*, *зълѡкъзньство*, *зълѡмьнение*, *зълѡнарѣе*, *зълѡополучение*, *зълѡславѣе*, *зълѡтворение*, *зълѡстрастѣе*, *зълѡхытрѣе*, *зълѡчестѣе* и др. [9, с.409 - 428]. Все, что было связано с идолопоклонством, отступлением от христианской веры, тоже могло получать композитные наименования типа *зълѡбѣсование*, *зълѡбѣсовѣствие*, *зълѡбѣсьѣ*, *зълѡвѣкушение*, *зълѡвѣриѣ*, *зълѡвѣръство*, *зълѡмудрьѣ*, *зълѡмудрьствие* и др. Композиты с компонентом *зълѡ-* могли назвать и другие отрицательные явления: *зълѡвидѣние* «видение бесовского», *зълѡвоняние* «зловоние», *зълѡглаголение* «обвинение в чем-либо», *зълѡдушье* «затрудненное дыхание», *зълѡродье* «низкое происхождение», *зълѡслутье* «дурная слава» и др.

Показательно, что словари древнерусского языка фиксируют наименования с компонентом *зълѡ-* из Грамоты № 17: *зълѡмыслиѣ* (злоумышление), *зълѡпоминание* (злопамятство), *зълѡсердѣе* (злѡбность). При этом слово *зълѡсердѣе*, по свидетельству словаря, отмечено один раз в названном произведении Кирилла Туровского [9, с. 423]. Названий для ложных, дурных мыслей существовало три: *зълѡмысльѣ*, *зълѡмысльство*, *зълѡмышленье* [9, с.418].

Рассмотрение путей возникновения композитов привело нас к формулировке одной из гипотез: композитное наименование может возникать в результате свертывания фразеологического, фразеологизированного сочетания слов. Такое предположение подкрепляется данными «Старославянского словаря», который с ромбовыми пометами фиксирует фразеологизмы *зъло глаголати, зълая вѣра, зълыи смрадъ* [8, с.241], а также слова *зълѡвѣрие, зълѡвѣръство, зълѡсмрадие, зълѡглаголаніе*. Однако высказанная гипотеза нуждается в более весомых доказательствах.

Композитные наименования с компонентом *зѡло-* использовались и в старорусском языке, однако большинство унаследованы им из древнерусского. Отметим некоторые новообразования: *зловоніе, злогодіе (тяжелое время, невзгода), злоденствіе, злодушество (зло, жестокость), злоизволеніе (дурное желание), злоключеніе, злоковарствіе, злоковарство, злолютіе (жестокость), злолютство, зломудріе (рассуждения против веры), злонравствіе, злонырство (пронырливость), злоначинаніе, злообоняніе, злообразіе, злопамятіе* и др. [7, т.3, с. 17 -32].

Различные лексикографические источники не только указывают на продуктивность композитных наименований с компонентом *зѡло-*, но и иллюстрируют высокий деривационный потенциал таких слов. Есть основания утверждать, что возникавшие субстантивные единицы могли становиться базой для образования глаголов, прилагательных: *зловоніе – зловонный, злоденство – злоденствовати* и под.

Названия человеческих пороков с компонентом *зѡло-* в силу своей социальной значимости устойчиво удерживаются словарными составами русского языка разных эпох. К примеру, в «Словаре языка А.С.Пушкина» отмечены такие наименования, как *злодействіе, злодейство, злодеяніе, зломыслие, злонамеренность, злоречіе, злословіе, злоумышленіе, злоупотребленіе* [10, т.1, с.140 - 144]. Четырехтомный «Словарь русского языка» фиксирует такие композитные наименования пороков с компонентом *зѡло-*: *злодейство, злодеяніе, зложелательство, злокозненность, злонамеренность, злонра-*

вие, злопамятность, злопамятство, злопыхательство, злоречие, злословие, злоумышление, злоупотребление, злозязычие [11, т.1, с.611-614].

Наше обращение к композитным наименованиям с компонентом *зло-* позволило убедиться в концептуальной значимости самого понятия, отразившейся в высокой деривационной активности называющего его слова. Очевидно, что явления окружающего мира оценивались носителями языка как положительные или как отрицательные. Аксиологическим маркером в таких случаях выступали понятия *добра* и *зла*, которые эксплицировались в возникавших композитных единицах. Если принять во внимание тот факт, что слова *добро* и *зло*, как указывалось, восходят к прилагательным, процесс появления сложных наименований может быть в целом ряде случаев сведен к лексикализации субстантивно-атрибутивных словосочетаний (*злодеяние* < *зло, злое деяние, злодействие* < *зло, злое действие* и т.д.). Этот подход полностью совпадает с утверждением о том, что композит обязательно соотносится со словосочетанием [12, с. 14]. Активность такого способа номинативной деривации, как основосложение + суффиксация, при возникновении композитов оказывается очевидной.

Литература

1. Волков В.В. Деадъективное словообразование в русском языке. – Ужгород: Изд-во УжГУ, 1993.
2. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981.
3. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997 – 2000 гг. – М., 2004.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Б.А.Ларина. – М.: Прогресс, 1964-1973. – Т. 1-4.
5. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. – М.: Книга, 1989. – Т. 1-3.
6. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. – М., 2004. – Т. 1-2.
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова; Гл. ред. Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1975-2000. – Вып. 1-24.
8. Старославянский словарь / Под ред. Цейтлин Р.М., Вечерки Р., Благовой Э. – М., 1994.
9. Словарь древнерусского языка. XI-XIV вв. / Под ред. Р.И.Аванесова. – М.: Наука, 1988-1992. – Т. 1-4.

10. Словарь языка А.С.Пушкина / Под. ред. Виноградова В.В. – М., 1956 – 1961. – Т. 1-4.

11. Словарь русского языка: В 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1985-1988. – Т. 1-4.

12. Семенова, Г.Н. Именные композиты в чувашском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. - Чебоксары, 2005.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ